

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Омуть
и отщепи*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ
ВАЖНЫ ДЛЯ МЕНЯ В
ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ.
СОЕДИНЕНИЕ ЭТИХ КАЧЕСТВ
С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ
ТАЛАНТОМ И ДЕЛАЕТ
КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ».

Анна Берсенева

Евгения Георгиевна Перова
Омуты и отмели
Серия «Круги по воде», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25554029
Омуты и отмели : [роман] / Евгения Перова. : «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98545-6

Аннотация

«Омуты и отмели» – третий роман Евгении Перовой из цикла «Круги по воде», в котором рассказывается о судьбах Марины и Алексея Злотниковых. Тяжелые испытания выпадают на долю их семьи: пожар, болезнь Алексея, депрессия Марины, скандалы и разбирательства со взрослыми детьми и друзьями. Марина обращается в прошлое и пытается выяснить историю своих родителей. Удастся ли ей справиться с собственным кризисом и помочь молодому поколению в их душевных метаниях?

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Евгения Перова

Омуты и отмели

*Сказать: я тебя люблю – это значит сказать:
ты никогда не умрешь.
Габриэль Марсель*

Оформление серии – *Е. Гузнякова*

Оформление переплета – *С. Власов*

Фото автора на переплете – *С. Курбатов*

В оформлении переплета использована репродукция картины художника *Висенте Ромеро Редондо*

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения считать случайными.

Часть 1

Деревенские страсти

Марина с Алексеем сидели на крыльце, где чувствовался хоть какой-то ветерок. Только что отообедали, и все разбрелись кто куда: к полудню жара делалась совсем невыносимой и даже взрослые, выбрав местечко попрохладней, заваливались спать. «Кто-то едет к нам», – сказала Марина, не открывая глаз. Да ей и не надо было: Марина видела внутренним зрением, но всматриваться совсем не хотелось, так разморило после обеда.

– Анатолий, наверное. – Леший говорил медленно, лениво.

Он приехал полторы недели назад и все никак не мог отойти от московского чудовищного смога: горели торфяники, и город накрыло дымным облаком. Ползал, как вялая муха – все ему было жарко и душно, все мерещился запах гари. Марина тоже принюхивалась и присматривалась – она давно ощущала разлитую в воздухе тревогу, у которой и правда был привкус дыма. А вчера она сама видела, как к реке пробежала лиса – худая, перепуганная, с опаленным хвостом. Марина сидела на берегу после купания, и лиса, увидев ее, замерла в сухой траве, тяжело поводя впалыми боками. «Беги, беги, не бойся!» – сказала тихо Марина, и лиса молнией

метнулась вниз к воде, там она долго пила, а потом поплыла на другой берег.

Вечером туда же, за реку, пролетела большая стая каких-то птиц. Может, надо уезжать? – подумала Марина, не зная, на что решиться. Лёшка говорил, в Москве ужасно. Дома, конечно, был кондиционер – но не держать же детей остаток лета в четырех стенах?

Они жили здесь первое лето – по-настоящему, «всем колхозом». А «колхоз» был большой. Во-первых, сами Злотниковы – Марина с Алексеем. И дети: подростки Муся и Ваня, малыши Сонечка и Санечка, прозванные Совятами. Бабушка Лариса, свекровь Марины, умерла полгода назад, именно поэтому они наконец и смогли приехать в деревню. Хотя Лариса Львовна в последнее время совсем сдала и почти никого не узнавала, после ее ухода образовалась такая страшная пустота, что Марине пришлось приложить много сил, утешая и Лёшку, и детей, и Ксению. Она сама порой ловила себя на мысли: «Надо зайти, посмотреть, как там бабушка». Бабушка все сидела, бывало, у окошка – Лёшка повесил кормушку, дети сыпали семечки, а Лариса Львовна любовалась прилетавшими синицами и воробьями. Она сильно похудела и поседела, Марина сама стригла ее машинкой: «Покороче, дочка, покороче, – просила бабушка. – Надоели эти космы-то, страсть». Домработница Ксения Викентьевна, прозванная Скороговоркой из-за сложного имени-отчества и давно уже ставшая членом семьи, связала Ла-

рисе Львовне разных шапочек, и Марина, заглядывая в комнату и видя бабушку в очередном кружевном чепчике, умилялась и целовала ее морщинистую щеку. Лёшка тяжело переживал смерть матери:

– Марин, а ведь я ее за всю жизнь ни разу не написал. Все думал – успеется. А теперь только по памяти...

Марина тоже чувствовала себя сиротой: после ухода Ларисы Львовны они с Лешим сразу стали самыми старшими в семье – не считая Скороговорки.

– Правда, странно, Марин? Вроде и так взрослые, уже и немолодые, а все словно дети, пока мама была жива.

– Да, не зря говорят: не то страшно, что мы взрослые, а то, что взрослые – это мы...

Входила в семью Злотниковых и Рита – дочь Лешего от первого брака. Он женился по залету, и ничего хорошего из этого союза не получилось. Когда Рите было три года, Алексей со Стеллой, первой женой, развелись. Случилось это после ее измены и чудовищного скандала, во время которого Лёшка узнал, что Рита ему не родная. Однажды маленькая Рита пару месяцев прожила у Злотниковых, пока ее мать налаживала отношения с биологическим отцом дочери, уехавшим в Америку. Расстались они со слезами: Марина переживала, предчувствуя, что девочке будет несладко в Америке с такой непутевой матерью, а Леший даже запил.

А шесть лет назад беременная Рита, которой не было еще и восемнадцати, неожиданно свалилась им на голову, наот-

рез отказавшись возвращаться к матери. Что им оставалось делать? Конечно, пригрели и Риту. Ее Лёсик родился через несколько месяцев после Свят, и Марина стала малышу молочной матерью – да и не только молочной, потому что Рита избегала ребенка, рожденного ею неизвестно от кого. Вбалмошная, неорганизованная, самолюбивая, с кучей всевозможных комплексов, одинокая и несчастная Рита никак не могла найти общего языка ни с кем из семьи, а Муся с Ванькой ее откровенно невзлюбили. А ведь Рита была одаренной девушкой: глубоко чувствовала музыку, много читала и даже написала скандальный роман о собственной жизни, выставив в нем Марину главной злодейкой, разбившей их семью.

Лёсик в отличие от боевых Свят рос тихим и покладистым: никогда не плакал, покорно шел ко всем на руки и любил играть, обожая строить невероятные башни из кубиков. Он был необычным ребенком, и это отмечали все: маленький не по возрасту, очень серьезный, он так смотрел на всех своими удивительными светлыми глазами, что становилось не по себе, как будто этот младенец знал что-то такое, что было недоступно взрослым.

Вторым «кланом», жившим в деревне Екимово, были Свешниковы: бизнесмен Анатолий, его вторая жена – француженка Франсуаза, которую нежный муж любовно звал Фросей, и их маленький Савушка, почти ровесник Свят-там и Лёсику. Когда-то Анатолий был женат на Валерии,

необыкновенно красивой и загадочной женщине, наделенной удивительными способностями, которые унаследовала лишь Кира – старшая из их дочерей-близнецов. Она редко появлялась в семейном кругу, чему отец только радовался, устав разгребать последствия Кириных авантур, иной раз почти криминальных. Младшая Мила неожиданно для всех стала католичкой и приняла постриг, так что теперь пребывала в одном из итальянских монастырей под именем сестры Людовики.

Кроме родных дочерей у Анатолия была еще одна головная боль – Аркаша, сын второго мужа Валерии. Он тоже жил «отрезанным ломтем» – несколько лет назад он начал изменять Юлечке, беззаветно любящей жене, и чуть не свел ее в могилу. Почти одновременно в двух его семьях родились дети – сын любовницы и Юлечкин Илюша. Своевременная помощь Марины все расставила по своим местам, и теперь вполне оправившаяся после болезни и операции Юля стала лучшей подругой Марине, которую раньше недолюбливала – уж очень та была дружна с Валерией. А Валерию Юля всегда опасалась.

Марина же относилась к Валерии как к матери – ведь именно Валерия помогла ей справиться с внезапно открывшимся даром ясновидения: наладила «машинку», и колесики завертелись. Даже узнав горькую правду, Марина не изменила своего отношения: оказалось, что Валерия, галерейщица и меценатка, пригрела художника Злотникова и его

жену, чтобы заряжаться от них энергией, которой ей самой не хватало. Алексей, вдохновленный своей Музой – Мариной, – написал необычайно сильную картину «Ангел Надежды», которая и была источником энергии для Валерии, выпившей ее за огромные деньги на аукционе. Но потом случилось так, что энергетическая связь между Валерией и Алексеем оборвалась. Валерия умерла, и последствия ее ухода были катастрофическими для обоих семейств. Но постепенно все уравнилось, и никакие тени прошлого не помешали Злотниковым и Свешниковым поселиться вместе в этой затерянной среди лесов деревушке.

Марина вместе с Совятами, Лёсиком и Скороговоркой жила здесь с начала мая, так же как Фрося с Савушкой и Юля с Илюшей, а мужчины курсировали между деревней и Москвой – у обоих там были дела. Рита в деревню страшно не хотела, но одну ее Лёшка категорически не оставлял в городе, поэтому она приехала вместе со всей остальной компанией – Митей, Мусей и Ванькой.

Единственным, кого еще ни разу не удалось заманить в деревню, был Стивен – Стёпик, Стёпочка, обожаемый обоими семействами. Валерия взяла Стёпика из дома малютки, а Марина, как только увидела, сразу и полюбила трогательного чернокожего малыша – между ними с самой первой встречи образовалась удивительная душевная связь. Марина никогда не забывала, как крошечный Стёпик обнял ее за шею и громко прошептал на ухо: «Я тебя люблю!» Марина иной

раз недоумевала: зачем Валерия взяла Стёпика в дом? Она и дочерьми-то не сильно занималась, отдав их в руки гувернанток и домашних учителей, а уж мальчиком и подавно – ну, поиграет с ним немножко, и все. Как с экзотической зверушкой! Но потом Марина поняла, что в Стёпочке тоже есть доля той силы, которой одарены они с Валерией: он не умел читать мысли или воздействовать на людей, но был так чуток и доброжелателен, что любой, кто с ним общался, сразу попадал под его обаяние и заряжался позитивной энергией. «Неужели Валерия этим пользовалась?» – ужасалась Марина. После смерти Валерии Стёпик оказался никому не нужен, и Марина забрала его к себе в дом. Сейчас Стёпик, давно превратившийся в Стивена, стал превосходным джазовым пианистом – он жил отдельно и часто уезжал на гастроли.

Про деревню Екимово Алексею Злотникову рассказал отец Арсений, давний друг семьи – деревня находилась в его приходе. Когда-то он служил в Кологриве, там Злотниковы с ним и познакомились. Именно отец Арсений помог Марине окончательно разобраться в собственных мыслях, научил нести в мир любовь. Потом Марина помогла Арсению и его жене Наталье пережить глубокое личное горе, а Анатолий устроил перевод священника в Костромскую епархию. Теперь они и вовсе стали соседями – Арсений жил всего в каких-то семнадцати километрах от Екимова.

А Леший, лишь только увидев необыкновенный дом,

украшенный деревянной резьбой, загорелся так, что и Анатолия втравил. Свешников тут же скупил все, что там продавалось, и затеялся, как выражался Лёшка, строить социализм в одной отдельно взятой деревне – благо денег у него было немерено, на любой «социализм» хватит. Первые два года Анатолий с Лешим, наняв бригаду таджиков, азартно ломали, строили и перестраивали. Пробурили артезианскую скважину, поставили водонапорную башню – огромный металлический бак привез заказанный Анатолием вертолет. Лёшка устроил себе столярку и самозабвенно возился там целыми днями, вырезая недостающие наличники и балясинки к своему терему. В придачу к русской бане завели сауну, мечтали еще отремонтировать дорогу и наладить электролинию, так что местные только дивовались.

Впрочем, местных было раз, два и обчелся, и всё старики: голубоглазый Семен Семеныч, матерщинник и выдумщик, бабка Марфа, сестры Маша-Клаша, а еще бывшая учительница местной школы, одинокая старая дева с диковинным именем Иллария – Иллария Кирилловна! «Как раз в пару вашей Ксении Викентьевне, – посмеиваясь, говорил Анатолий. – Еще одна Скороговорка!» И точно – они даже похожи были, как настоящие сестры, в отличие от Маши-Клаши: Маша маленькая и чернявая, а Клаша – высокая и громогласная. «Ну, гренадер!» – смеялся Семеныч, а та обижалась. Маша-Клаша быстренько продали Анатолию свой дом и уехали к Клашиной дочери в Ярославль, а остальные оста-

лись. Илларию Толя тут же приспособил в помощники к Фросе, Семеныч стал чем-то вроде сторожа, а почти девяностолетняя бабка Марфа – она уже не вставала, и за ней ухаживала та же Иллариия, – была просто кладезем всех местных преданий и легенд, большинство из которых, как считал скептически настроенный Семеныч, сама же и сочинила.

Место было действительно замечательное – за спиной у деревни сосновый бор, впереди река. Рыбалка, грибы-ягоды, воздух, парное молоко – Семеныч держал коз. «Рай, ну чисто рай!» – вздыхал Лёшка. А Толя никак не мог уговориться и все этот рай совершенствовал: то затеется пристраивать к своему дому террасу, то купит трактор, то придумает какие-то невиданные парники, то загорится идеей завести солнечные батареи на крыше. А в это невыносимо жаркое лето он поставил два бассейна – большой и маленький лягушатник, благо воды хватало. Но за день вода в бассейнах нагревалась чуть не до кипятка, поэтому бегали на речку, где било много ключей.

Жили они действительно каким-то колхозом. Сначала еще пытались каждый вести свое отдельное хозяйство, но это оказалось утомительно, и скоро сообразили сделать летнюю кухню и поставить под навесом длинный стол с лавками. Готовили по очереди, и дети чуть не дрались за право ударить в большой медный гонг, привезенный Толей из Африки, – чтобы созвать народ к обеду или ужину. Потом образовалось что-то вроде детского сада для самых мелких, за которыми

тоже присматривали по очереди.

Свешниковы поселились в своем еще не совсем отделанном доме, а в купленной у Маши-Клаши избе устроилась Юлечка с мальчишками. В резном тереме жили Злотниковы, Ксения Викентьевна и Рита с Лёсиком – комнат хватало, и Лёшка то и дело распевал, увидев Мусю, выглядывающую из верхней башенки: «Живет моя отрада в высоком терему!» А Марина просто не знала, что делать с Лёшкиной «отрадой» – с Мусей. Они с Ванькой поменялись местами: бывший «вождь краснокожих» стал спокойным и рассудительным подростком – к Мусе он относился слегка снисходительно, словно она была его младшей, а не старшей сестрой. Совершенно неожиданно Ванька вдруг подружился с Анатолием и ходил за ним хвостом.

– Вань, о чем вы с дядей Толей разговариваете? – не выдержав, спросила раз Марина.

– О бизнесе, – ответил Ванька, глядя на нее ясным взором. Он смачно хрумкал огурцом и подкидывал мяч, собираясь бежать к ребятам на волейбольную площадку.

– О чем?!

– Ну, финансы, экономика всякая.

– И тебе это интересно?

– Ага. Мам, ты что, это ж круто! – И убежал, подпрыгивая.

И Муся, и Ваня учились ровно по всем предметам – Муся на пятерки, Ванька похуже, иной раз схватывая и тройки. Никаких особенных талантов у них не было: точно так же,

как Муся перепробовала все на свете, от скрипки до балльных танцев, Ванька перезанимался всеми видами спорта, от карате до хоккея, и остановился в конце концов на плавании – драться ему не нравилось, а играть в команде он не любил. Марина просто не представляла, куда его пристраивать после школы. И вот, пожалуйста, – Ванька заинтересовался финансами! Проходя как-то мимо столярки, Марина увидела копошившегося там Анатолия и подошла:

– Толь, что ты мучаешься. Дай Лёшке, он тебе моментом сделает.

– Лёшка-то сделает. Самому интересно. А, черт! – он прищепил палец.

– На-ка лучше, похрусти, отдохни. – В подоле фартука Марина несла собранные огурцы.

Они сели на лавку и взяли оба по пупырчатому огурцу. В столярке вкусно пахло нагретым на солнце деревом, теми же огурцами и близкой рекой.

– Ой, хорошо как...

– И не говори.

– Толь, а что такое Ванька сказал: ты с ним про финансы беседуешь?

– Ну да. Слушай, у тебя толковый парень.

– Это ты про Ваньку говоришь? – уточнила Марина. – Про моего Ваньку?

– А что, еще один есть? Чему ты удивляешься? Толковый паренек. В город вернемся, пусть приезжает ко мне, поза-

нимаюсь с ним. У него понимание есть и чутье. Подожди, начнет на бирже играть, миллионером станет. Жалко, молод еще. Ему сколько, четырнадцать?

– Весной было.

– Да, это лет двадцать надо ждать. Не доживу. А то я бы ему дело передал. Надо будет его в Лондон послать учиться, пусть там из него джентльмена сделают.

– Вот в Лондоне ему самое место, Ваньке! А тебе что, больше и передать некому?

– А кому, Марин? Савушка еще под стол пешком ходит, девкам не надо ничего, не дождусь от них ни зятьев, ни внуков...

– Аркадий что же? Не годится?

– Не годится. Марин, он пустое место, и все это знают, и сам он знает, потому так перед бабьем своим и выпендрился. Тяну его из последних сил, все-таки сын, хоть и приемный. Его, конечно, пожалеть можно: вырос, как трава при дороге – все детство по интернатам. Да и наследственность плохая по линии родной матери. Не знаю я, что с ним делать. Другого давно бы уволил. Он ведь запил после развода-то, представляешь? Всю жизнь мы ему, оказывается, поломали.

– Да ты что!

– Вытащил его, закодировал. Теперь он играет!

– Во что играет?

– Да не во что, а на деньги. В казино. Рулетка, покер. Скоро до игровых автоматов скатится. Два раза уже за него та-

кие суммы платил! Горе одно.

– Да-а, ничего себе, Аркаша. И правда, смотри: ты император, а наследника нет. Империю некому оставить.

– Да какой я император, Марин. Какая империя, о чем ты говоришь. У меня ж нет ничего.

– Ага, гол, как сокол!

– Вот ты смеешься, а правда: у меня одна основная фирма, и все. С филиалами. Ну, дом в Москве, деревня. Вот в Костроме еще дом, никак не продам. И еще кое-что, по мелочи. Деньги есть, это да. Я ж не идиот, чтобы футбольные команды скупать! Я лучше на сирот денег дам. Только воруют много, которые на сирот-то собирают, жалко на эту прорву. Кстати, а что у тебя с деньгами, которые Валерия оставила?

– Ничего, лежат в банке.

– В банке они у нее лежат! В стеклянной или какой? Деньги работать должны, а не лежать! Надо заняться вами, а то что это – в банке лежат!

– Вот и займись, а то ворчишь только. А что у тебя за фирма? Давно хотела спросить.

– Фирма? Да мы технику выпускаем, приборы всякие. Очень тонкие и точные. И дорогие. Спрос небольшой, но постоянный – для медицины, космоса, для обороны. Мой бизнес не на крови, Марин. Мне «крыша» никогда не была нужна – я всю дорогу под обороной хожу. У меня еще с армии друзья остались, они потом в большие люди вышли, в отличие от меня.

– Как же! А то ты маленький!

– Я маленький. Мелочь пузатая. Мы в кильватере шли за ледоколом. Атомным. Вот он гений, мужик этот. А мы так, погулять вышли. Валерия его сразу вычислила. Я даже боялся, что... Но она сказала, он и без нее далеко пойдет. С компьютеров начинали – из загранки везли, тут собирали, продавали. Я-то сначала вообще на подхвате был – ни образования, ни понимания. Потом Валерия меня натаскала, учиться заставила. Да и я сам тянулся за «ледоколом». А потом он дальше двинулся лед крушить, а мы причалили к берегу. Валерия сказала: «Хватит. Дальше опасно». Несколько миллионов сделали, а дальше только пасли их, как овец, чтобы шерсть да жирок нагуливали. Деньги – они сами делают деньги, понимаешь? Надо только не зарываться. Меру знать. Я знаю, слава богу.

– А что с ним стало? С «ледоколом»?

– Сидит, что с ним стало. На второй срок пошел.

– Так это он?

– Ну да. Так что Валерия правильно все увидела. А нынешняя фирма, она случайно, в общем-то, образовалась. Представляешь, в бане!

– Что – в бане?

– Да придумали мы это в бане! Познакомился там с мужиком, а он чуть ли не академик. И рассказал мне про своего ученика, который одну необыкновенную штуку изобрел, страшно важную, а толку никого, потому что у нас не про-

двинешь никак. А на Запад продавать не хочется, но придется, наверное. Ну, я и встрял. Их наука, мои деньги. Вот и жалко, понимаешь? Производство уникальное, специалисты – один другого лучше, по зернышку собирали. И что – теперь все чужой курочке отдать? Американцы прямо сейчас купили бы, не говоря о китайцах. Жалко. И некем меня заменить, некем. У нас народу немного, каждый на своем месте. Один вот Аркаша балластом.

– Толя, а ты присмотрелся бы к Мите. Ты знаешь, я плохо в этом понимаю, но ребята мои говорят – он компьютерный гений.

– Хакер, что ли?

– Да я не разбираюсь. Но Митя уже с седьмого класса деньги зарабатывает, и неплохие. Программы какие-то делает, что-то такое. Он матери на сороковник машину хочет подарить, копит. Они же Аркашины деньги по минимуму тратят, а так Митя зарабатывает.

– Ты подумай! Молодец какой. Да я не знаю, Марин, как к ним и подойти – Юля меня не любит, Митя волчонком смотрит, того гляди, укусит.

– Я поговорю с ними, хочешь?

– Поговори. Может, хоть из этих толк будет. Да, вспомнил! Давно спросить собирался: вы с Лёшкой не хотели бы галерею Милкину взять? Киркин магазин уже прогорел, а галерея еще дышит. Миле-то теперь ни к чему. Можно продать, конечно, бешеных денег сейчас стоит – самый центр.

А то взяли бы, а? Лёшке надо мастерскую, выставки можно делать. Подумай!

– Толь, спасибо. Но куда нам. Мы еще быстрее прогорим – Леший не по этой части, а мне некогда, дети совсем еще маленькие. А ты Юле отдай.

– Юле?..

– Вот ты зря так скептически. Я раньше тоже думала, что она цветочек нежный. А сейчас мы подружились, я ее лучше знаю. Толя, она цветочек стальной. Юля очень умная, сильная. Ее просто Аркадий довел до ручки. Сидела одна, как в клетке, нам никому не доверяла.

– А как она сейчас себя чувствует?

– Все хорошо, я слежу.

– Да и видно – расцвела. Значит, говоришь, стальной цветочек?..

И Анатолий задумался.

– Ты знаешь, Марин, вот я сейчас оглядываюсь, как жил, и мне страшно становится. Мы же с Валерией оба злые были, как волки. Я свою войну прошел, она – свою. Мы жизнь в клочья зубами рвали, так хотели подняться. Я удачливый очень, не знаю уж, сам по себе или Валерия меня так... настроила. Ко мне деньги сами текут. На бирже и вообще. Как царь Мидас – все в золото обращаю. А золото – оно мертвое. Так бы и загнулся среди золотых слитков, если бы не ты. Да, да, ты к нам жизнь принесла, ты и Леший. Как я удивился, когда тебя первый раз увидел. Помнишь?

– Конечно. Только не помню, чтобы ты особенно удивился.

– Еще как! Вхожу, смотрю: вы как в аквариуме, все рыбки пластмассовые, игрушечные, только одна живая – чешуей сверкает, хвостиком трепещет.

– Ой, выдумал!

– Чистая правда. Ты же знаешь, я Лешему всегда завидовал.

– Толь, ну чего тебя в эту сторону понесло? У тебя Фрося есть, все хорошо.

– Фрося! Фрося – мое счастье. Но без тебя, – Анатолий обнял Марину за плечо и поцеловал в висок, – без тебя и Фроси бы не было. Для Фроси ты тропинку протоптала.

– Вот Лёшка увидит, он тебе покажет тропинку.

– А то он не знает, как я тебя люблю. Представляешь, сейчас я так рад, что не переспал с тобой. Не было бы такой чистоты между нами.

– А раньше что? Жалел об этом?

– Ну а как же? Такая баба – и не попробовал. Хоть бы разок поцеловала, а?

– Толь, ты неисправим. Я Фросе пожалею. Вот будет у тебя юбилей – поцелую, если муж разрешит.

– Так был только что! Что ж ты?

– А ты не просил. Жди теперь следующего.

– Ну-у, мне тогда уже ничего не надо будет, никаких поцелуев.

– Это тебе-то?

Анатолий засмеялся, Марина за ним.

– А что это вы тут делаете, а? – В дверях стоял изумленный Леший. – Ты посмотри, пригрелись тут, в темноте, и хихикают.

– А мы, Лёш, о любви и дружбе рассуждаем. Возможна ли дружба между мужчиной и женщиной, если они ни разу не переспали? Ты как думаешь, а? – серьезным тоном сказал Анатолий.

– Лёша, не слушай ты его, он шутит! – Марина пихнула Толю в бок, и он засмеялся. – Мы про Ваньку разговаривали. Толя считает, что он у нас будущий воротила бизнеса. Как этот... Кто там главный воротила, Толь?

– Вы мне зубы не заговаривайте, – сурово отрезал Леший. – Ты чего тут расселась с огурцами? Тебя Юлька уже сто лет ищет.

– Ой-ой-ой, как мы тебя забоялись. – Марина звонко чмокнула Лёшку в щеку, а он хотел было шлепнуть ее по задку, но Марина увернулась.

– Иди давай! Про дружбу они тут разговаривают. Знаю я вашу дружбу. А ты чего сидишь? Давай вали отсюда. Мне работать надо.

– Лёш, ну ты ж знаешь: я перед твоей женой просто преклоняюсь. – Анатолий поднялся, незаметно подмигнув Марине, которая махнула на него рукой и пошла к летней кухне, посмеиваясь.

– У тебя своя жена есть, вот перед ней и преклоняйся, – взвился Леший.

И вечером, когда спать ложились, Лешка все ворчал:

– Ты подумай, сидят, разговаривают. Уединились. Это что такое? И часто вы так разговариваете? Пусть он со своей женщиной разговаривает.

– Лёш, хватит. Вот завелся. Иди уже, покажи мне наконец, чья я женщина.

Леший оглянулся – Марина, совершенно обнаженная, лежала, закинув руки за голову, и смеялась. Уже засыпая, Лёшка вспомнил:

– Так что там про Ваньку-то? Чем он ворочать будет?

– Бизнесом. Спи, балабон.

Так что судьба Ивана Злотникова определилась. Но что делать с «княгиней Марьей Алексевной», Марина так и не представляла. «Княгиня» упорно поступала поперек: если Марина просила надеть в лес длинные брюки, шла в шортах и тут же цепляла клеща. Она одна ухитрилась поймать пиявку в реке, а не кусали ее только самые ленивые пчелы. Марина устала считать все ее царапины и синяки, а ведь старшие дети приехали только в середине июня. За месяц Муся успела довести Марину просто до белого каления, но это были только цветочки.

Муся неслась по жизни сломя голову, лезла везде напролом, дерзила – но хороша была, как куколка, и прекрасно это знала. Она давно догнала по росту Марину, и от ее детской

трогательной хрупкости не осталось и следа: очень складная, стройная, с заметной уже грудью, она так сверкала своими карими – отцовскими – глазами, так умела приподнять бровь, улыбнуться, что просто ослепляла, словно поверхность воды под яркими лучами солнца. Только у нее одной из всей семьи вились волосы – крупными кольцами, и бабушка Лариса, бывало, говорила, вздыхая: «Не иначе в прадеда пошла, в итальянца. И темперамент итальянский».

Митя, старший сын Юли, был с самого младенчества влюблен в Мусю, а та вертела им, как хотела, заставляя мальчишку страдать. Но неожиданно их роли переменились – не без помощи Марины, которая много работала с Митей, внушая ему уверенность в собственных силах. И не без помощи Стивена, но это оказалась помощь совсем иного рода. Когда старшие дети приехали в деревню, Марина внимательно пригляделась к своим влюбленным: Мите явно приходилось трудно, так вилась вокруг него Муся, так ластилась и заглядывала в глаза, норовя дотронуться, а то и прижаться. А жара стояла страшная, так что девчонка щеголяла полуголой – бедный, бедный Митя! Кроме Муси, соблазнявшей его с той же страстью, с какой прежде третировала, с ним заигрывала и Рита, тоже весьма настойчиво, так что Митя был вынужден грубо ее отшить:

– Что ты лезешь? Ты же знаешь: я с Мусей.

– Ну и что? Я согласна третьей быть. Ты не пробовал с двумя девочками? Тебе понравится.

Митя не выдержал и послал Риту куда подальше. Она только фыркнула: подумаешь! Муся прекрасно видела Ритино кокетство и старалась из всех сил, только что не дымилась. К счастью, им не так просто было уединиться: днем все на виду, а ночью... Мите было легче – он мог просто вылезти в окно, а Муся жила в светелке на втором этаже, ей там вообще-то нравилось, но спуститься оттуда потихоньку не было никакой возможности: деревянная лестница немилосердно скрипела. Но они находили возможность ускользнуть от внимания взрослых, постепенно разжигая тлеющий внутри огонь до настоящего пожара. А когда Митя, не в силах больше терпеть, попытался склонить Мусю к более изощренным действиям, вдруг выяснилось, что «княгиня Мария Алексевна» вовсе не так опытна, как хотела казаться.

– Ты что, никогда такого не делала?

– Конечно, нет! Ты что? Как ты мог подумать. Я же... ни с кем... ничего себе не позволяла, – Муся смотрела на Митю большими глазами, в которых закипали слезы: она вдруг осознала, что именно думал про нее Митя все это время. – Ты что, ты считал, что я... как Рита, что ли? Митя! Я не такая. Это что, так выглядело? Какой ужас. Я же просто... играла...

– Играла? Ничего себе игрушки!

– Митя, правда! Ну, я обнималась, да. Целовалась. Но не так! Так – только с тобой! Или ты что? Ты думал, со мной все можно, да? Что я... доступная? Ты поэтому со мной? А

я-то думала... ты меня... люби-ишь.

И она заревела.

– Конечно, я тебя люблю, ну что ты.

Мите было жалко бедную заигравшуюся дурочку, но в то же время сам процесс утешения доставлял ему такое острое наслаждение, что скоро оба забыли о возможных последствиях – да и вообще обо всем. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не Марина. В этот вечер ей не спалось – Леший уехал в Москву, а она не любила оставаться одна. Да еще эта жара. Марина решила искупаться. Речка обмелела, но окунуться было можно. Возвращаясь обратно, она подумала, а не зайти ли к Юле: у той горел свет – тоже, видно, не спалось. Шла и «приглядывалась»: спит – не спит? И вдруг «увидела», да такое, что просто припустила бегом к сеновалу Семеныча – мальчишки там иногда ночевали, когда совсем изнывали от жары. Но сейчас там были не мальчишки. То есть один-то мальчишка имелся: Митя, а вторая – Муся! Марина вошла, нарочно громко стукнув дверцей. На сеновале настала такая глубокая тишина – можно было подумать, нет никого.

– Я знаю, что вы здесь. Муся, Митя! Ну-ка – быстро по домам. Кому я сказала?

Раздался приглушенный шепот, шуршание, и появился смущенный Митя – весь в соломе, потом Муся.

– Митя, не ожидала такого от тебя. Иди, а с Мусей мы поговорим.

Он вышел, но встал за дверь. Ишь, рыцарь!

– Митя, иди домой. Я тебя вижу.

Она проследила, как Митя поплелся к дому, и повернулась к дочери. Та совсем не выглядела смущенной.

– Муся! У тебя есть голова на плечах, а? Ты что делаешь?

– А что такого?

– Чем вы тут занимались?

– Ну, ма-ам, подумаешь, целовались!

Не только целовались, Марина прекрасно это «видела».

– Не ври мне! Ты что, не понимаешь, к чему это все может привести? Ты забеременеть хочешь в шестнадцать лет?

– И что, ты меня тогда из дому выгонишь, да? Как в прежнее время было?

– Не выгоню! Но если ты стремишься ребенка родить мне назло – флаг тебе в руки! Вперед! – И Марина, кипя от ярости, повернулась к выходу.

– Ну, мам, прости. Я не знаю, что со мной делается.

– Что с тобой делается? Переходный возраст слишком затянулся, вот что делается! Ты что всем нам хочешь доказать, что ты взрослая? Так веди себя как взрослая. Ты думаешь: «Ах, мне в детстве мороженое запрещали – вот вырасту, каждый день буду есть!» – так, что ли? Взрослый человек отвечает за свои слова и поступки! Ты это понимаешь?

– Да-а, а чего ты тогда меня ругаешь, а Митю отпустила? Я что, одна виновата?

– У Мити своя мать есть, еще поругает. А ты на Митю не

сваливай. Он мальчик благоразумный и тебя на самом деле любит.

– А я что? И я его люблю!

– Я не уверена. Пока ты себя только любишь. У тебя ветер в голове. Это ж надо, понесло их на сеновал!

– Мам, ну что такого-то? Поцеловались немножко.

– Вы не только целовались! Муся, ты что, в самом деле не понимаешь? Если ты Митю заведешь, он не устоит, а потом раскаиваться будет. Есть моменты, когда мужчина просто не может сдержаться. А у вас сейчас гормоны бушуют. О чем ты думала? Ты знаешь, как предохраняться?

– Ну, ма-ам! Что ты, в самом деле. Необязательно же сразу... прямо так, чтобы предохраняться! Есть разные способы...

– Она мне будет рассказывать про разные способы! Я лучше тебя знаю. Слава богу, чуть не двадцать лет замужем! А вот откуда ты знаешь про разные способы? Я в твоём возрасте только книжками интересовалась, а не разными способами!

– Мам, ну что ты так сердишься. Сейчас время другое. Раньше вы книжки читали, а мы теперь...

– Что вы теперь? По сеновалам трахаетесь?

– Мама! – закричала Муся. – Как ты можешь так про меня говорить?

– А как мне говорить? Чем ты тут занималась? Именно этим. Если б я не пришла...

Муся заплакала навзрыд:

– Ты совсем меня не любишь, если так говоришь.

– Ну вот, здрастье. Приехали. Я виновата. Ой, горе... – Марина обняла и поцеловала всхлипывающую Мусю. – Как же я тебя не люблю, что ты! Я же о тебе беспокоюсь! Ну? Кто моя любимая маленькая девочка? Обидели маленькую де-вочку. Отняли конфе-етку... А сладенького хо-очется...

Муся не выдержала и рассмеялась:

– Мам, ладно тебе. Я поняла. Я постараюсь.

– Вот и постарайся. Муся, я же все понимаю: я сама женщина... темпераментная. И папа у нас – огонь. Так что ты уж просто гремучая смесь получилась. Научись себя контролировать, я серьезно говорю. Ты ведь как привыкла: что захотела – тут же и получила. А всему свое время и место. Не торопись, у тебя вся жизнь впереди. Тебе шестнадцать лет.

– С половиной!

– Ну конечно, это все решает. Муся, если ты не хочешь, чтобы я глаз с тебя не спускала, тогда води себя прилично. Как я могу тебе доверять, а? Да ты с твоим везеньем тут же забеременеешь – от одних поцелуев.

– Так не бывает!

– Не бывает. Все-то она знает... Скажи спасибо, отца нет, а то бы я под горячую руку ему нажаловалась. Вот он бы порадовался, что его ненаглядная дочка в сене обжимается. Пожалуй, и выпорол бы.

– Не говори папе, пожалуйста, не говори! Мамочка! По-

жалуйста! Я больше не буду, честное слово! Только папе не говори!

– Да будешь, будешь! Разве тебя что удержит? Только я прошу – береги себя. Применяй лучше... разные способы. Головой-то думай! Или что? У тебя теперь не голова, а другое место думает?

– Ну мам! Ты вообще! Такие вещи говоришь, ужас просто!

Марина так и не рассказала Лёшке, но с Юлей поговорила сразу после сеновала – та только ахнула:

– Ты подумай! Сеновал – просто классика. А ты им всю романтику поломала.

– Юль, я тебя умоляю, какая романтика. Это твой мальчик романтичный, а моя засранка только что из кожи не выпрыгивает, как у нее горит. Я боюсь, как бы нам с тобой скоропостижно бабушками не стать.

– Ладно, я поговорю с Митей. Только ему против твоей красоты долго не продержаться.

– Да я понимаю, что мы их не удержим. Если связать только. Так пусть бы предохранялись, что ли. Митя-то хоть знает, что и как? Может, Анатолий с ним поговорил бы? А то Лёшка не сможет, он стесняется.

– Ну да, Анатолий поговорит, как же. Он такого ему на-расскажет! Я сама, ничего. Я могу. Потом, ты знаешь, я подзреваю, что они больше нас с тобой знают. Как твоя-то: разные способы!

– И не говори. Я в ее возрасте вообще ни о каком способе представления не имела.

Марина думала, что Митя будет теперь обходить ее за версту, но на следующее утро он сам к ней подошел – Марина в тенечке чистила картошку к обеду.

Он взял второй нож, сел рядом и стал аккуратно срезать кожуру. Молодец, умеет, подумала Марина.

– Тетя Марина, я хотел попросить у вас прощения... за вчерашнее.

– Мама с тобой поговорила?

– Мама? Да, но я и сам хотел, еще вчера. Это я во всем виноват. Да еще сбежал, как последний трус.

– Ты не сбежал, это я тебя выставила. И не рассказывай мне, что ты виноват, – все равно не поверю.

– Нет, правда! Это я ее к сеновалу привел. Так просто: посидеть, поговорить. Вы же знаете, я к Мусе очень серьезно отношусь. А оно как-то... само... получилось.

– Милый мой, оно всегда только так и получается. Само собой. А потом расхлебывать. Ты помнишь, что Мусе только шестнадцать?

– Да помню. Я понимаю, что нам еще рано...

– Физически-то ей, может, и все восемнадцать, но душа – недоросла. Двенадцать, не больше. А ты взрослый. Не иди ты у нее на поводу, я тебя умоляю. Подождите хоть до ее настоящих восемнадцати. Ты же знаешь, что я могла бы насильно вас развести, но мне не хочется этого делать: вы не марио-

нетки, да и смешно вас от жизни прятать под крылом. А чем больше запрещать вам, тем больше будет хотеться. Поэтому я ничего не говорю, думайте сами. Как будет, так будет. Я все приму, и Юля тоже. Алексей, конечно... ему будет трудней.

– Я постараюсь...

– Митя, я понимаю, как тебе трудно. Я тебя очень люблю, и всегда была на твоей стороне, ты знаешь. Да любая мать будет счастлива, что ее дочь любит такой мужчина, как ты.

Митя страшно покраснел и смутился, но Марина видела – ему приятно. Он очень возмужал за последнее время, накачал мускулы и еще вырос, почти догнав Анатолия. Не такой красивый, как Ванька, Митя выглядел очень мужественно и привлекательно, так что Марина понимала, почему дочку так разобрало.

– Я ведь из-за тебя тоже беспокоюсь, понимаешь?

Марина протянула руку и погладила Митю по голове, потом положила ладонь ему на лоб и слегка «причесала» его.

– Ну, иди! Все уже, картошка кончилась, спасибо! Ты мне хорошо помог.

– Это вы мне помогли. Спасибо, что говорили со мной... как со взрослым.

– Ты взрослый и есть.

Мите еще попало и от матери, которая разговаривала с ним гораздо жестче, чем Марина.

– Мам, да я все понял.

– Надеюсь. А если не уверен, лучше уезжай в Москву. Я

смотрю, вам тут заняться нечем, слоняетесь без толку, один секс в голове. Помог бы дяде Толе или Алексею. Или Семёнычу. Работы в деревне полно. Поливать вон надо! А Мусю с Ритой тоже надо к делу подключить, а то ходят, телесами сверкают, дурью маются.

И Юля железной рукой направила обеих девчонок на кухню и заставила приодеться, как они ни были, что жа-арко. Митя тоже сделал соответствующие выводы: старался поменьше уединяться с Мусей, и они снова приняли в компанию Ваньку, который в последнее время слонялся одинокий и потерянный. Через день после сеновала приехал Лёшка – с его помощью мальчишки затеялись строить домик на дереве, так что занятие нашлось. А Муся при отце вела себя уж так примерно, что Марина только головой качала, и, чтобы дочь не расслаблялась, время от времени напоминала ей, с серьезным видом вставляя в какой-нибудь невинный разговор о варенье или о погоде фразу: «А вот есть разные способы!» Муся краснела и бросала на мать яростные взоры, испуганно оглядываясь на отца.

А потом произошло такое событие, которое затмило собой все волнения и переживания, связанные с разгоревшимся между Мусей и Митей пожаром. Ни Марина, ни Алексей, сидевшие на крыльце в этот невыносимо жаркий августовский полдень, не могли даже подозревать, что готовит им будущее, вестником которого был большой черный джип Анатолия, показавшийся наконец из лесу.

– Да Толя не один, – сказала с удивлением Марина.

– Кто с ним?

– Это Аркаша.

– Аркаша? Что это его принесло?

Никто из них не видел Аркашу с тех самых пор, как Марина выставила его из Юлиного дома и из Юлиной жизни. Машины подъехали, затормозили. Выскочила из дома Фрося и кинулась Анатолию на шею, постепенно подтянулись и прочие обитатели «колхоза». Митя, увидев отца, резко остановился и ушел к матери на крыльцо, а Илюша, которого невозможно было уложить спать днем, как прочую мелкоту, побежал к машинам: «Папа приехал!» Юля с Митей ушли в дом.

– Фрось, ты давай нам поесть сообрази. И квасу, квасу не забудь. – Анатолий шлепнул ее по заду, туго обтянутому короткими шортами, а увидев, что Марина смеется, подмигнул ей. – Лёш, подойди-ка, поможешь.

Марина с крыльца смотрела, как трое мужчин стоят за машинами и тихо разговаривают о чем-то очень серьезно, и тревога подступила к самому сердцу. Они разговаривали довольно долго, а потом все трое посмотрели на нее. Марина подошла.

– Что, все плохо?

– Да, не слишком хорошо.

– Подожди, я сама посмотрю...

Марина положила руки на плечи Анатолию и «вгляделась»: черный джип мчался на страшной скорости по доро-

ге, окруженной горящим лесом – дым, пламя, падающие деревья...

– Совсем уже близко! – сказала она с ужасом.

– Да, рядом. Ивановское сгорело, все, целиком! Двое погибли, говорят. МЧС не поспевает тушить. Да вы же новости слушаете!

– Что ж делать-то? Уезжать?

– Срочно уезжать! – неожиданно высоким голосом произнес вдруг Аркадий, и все на него посмотрели. – Срочно!

Марина взглянула на Анатолия, на Лешего – они колебались.

– Не знаю, – Лёшка почесал затылок. – Просто не знаю! Ладно, мы уедем, а местные? С собой забирать?

– Местные пусть сами думают. – Аркаша нервничал, но на него никто уже не обращал особого внимания.

– И что? Бросить тут все? – Леший огляделся по сторонам, Марина с Анатолием тоже посмотрели. – Столько труда, столько сил. Терем жалко! Вдруг сгорит красота такая.

– Да все жалко! – согласился Анатолий. – Я вот тоже думаю: может... того? Попробовать устоять, а? Все-таки у нас положение хорошее – до леса далеко, река рядом, пусть мелкая, воды у нас много. В крайнем случае уйдем за реку. Детей вывезти! И женщины уедут. А мы...

Леший молчал, и Марина знала, о чем он думает.

– Если вы останетесь, я тоже. Вы же понимаете – я вам нужна.

Алексей выдохнул:

– А, твою мать! Тогда все уезжаем. Или что? Попробовать?

– Что тут пробовать! – закричал Аркаша. – Надо немедленно всем уезжать!

Марина видела, что его просто трясет от страха. Леший посмотрел на Аркашу, потом – со страданием в лице – на Марину, она не дрогнула.

– Ну, хорошо, остаемся. Только все дети уедут, – сказал он, резко повернулся и ушел в дом.

– Марин? – Анатолий, нахмутив брови, кивнул в сторону уходящего Лёшки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.